

Г

лухо стучит мамино сердце под сорочкой. Олеся приникла головой: тук... тук... тук...

У девочки Саши из параллельного класса умер папа. Учительница сказала, что остановилось сердце...

Олесе не было жалко Сашу, с которой она и раньше мало разговаривала и которую с тех пор стала совсем избегать. Она чувствовала только жуткое удивление. И если бы внутри Олеси были глаза, они бы там широко открывались и хлопали, когда она обычными глазами смотрела на Сашино лицо.

Тук... тук... стучит еще, но будто медленнее. А если остановится? От этой мысли Олеся приподняла голову и через мгновение плотнее зарылась под мамино крылышко. Мама так называла свою руку и, когда Олеся плакала, приглашала «под крылышко», а потом ласково убирала с лица спутанные волосы... В голове все сдавило от подступающих слез. Мама молодая, даже бабушка у них еще жива. Мысль, что бабушка жива, немного обрадовала Олесю, ведь мама не может умереть раньше нее.

Саша появилась в школе через две недели. Деньги, которые собрали ее маме, она взяла. Олеся не знала, сколько было денег, но ей немного захотелось, чтобы у нее тоже умер папа. Ей бы этих денег на многое хватило. На летающую фею из рекламы. И еще на что-нибудь.

Олесин папа давно ушел от них. От нее не скрывали, что он живет с другой тетей и покупает игрушки другим деткам. Олеся понимала, когда по телефону мама разговаривала именно с ним — тогда мама ругалась и говорила, что Олесю кормить нечем. Олеся от этих слов становилось до горечи обидно, и она сразу же начинала кричать из комнаты: «Мама-а, не-ет!» Мама строго цыкала на нее, прислоняя трубку к груди: «Олеся, тихо ты!» Олеся тут же прибежала на кухню и, стуча кулаками по маминым бедрам, отчаянно требовала: «Скажи, что я не голодная, мамочка, нет!» Мама еще больше злилась на папу и вскоре бросала трубку...

«Олеся, перестань вертеться, завтра не встанешь», — вдруг пробурчала мама.

От строгого маминого голоса все страхи вмиг исчезли. Притихнув и закрыв глаза, Олеся заснула.

Мама проснулась в семь. Олеся слышала будильник, но знала, что ее разбудят позже. На кухне загудел чайник, потом зашипело на сковороде масло. Эти звуки теплом растеклись по телу. Они были вестником самого важного — мама не умерла, не сейчас. И не хотелось ни засыпать, ни просыпаться, а только дремать с этой солнечной мыслью.

У соседей через стенку заиграла иностранная песня. Олеся смогла понять только «love» и «my». Увлекаясь танцевальным ритмом, она застучала пальцами по матрасу, будто по клавишам фортепиано, но легче и небрежнее. Песня предвещала еще неизведанное веселье и вела в будущее, была самым будущим — загадочным и счастливым.

Готовя на кухне, мама тоже услышала эту песню сквозь звуки шипящего масла и утреннего цапанья метлы об асфальт, доносившегося из окна. И ненадолго вспомнила школьное время, когда эта песня только вышла в эфир. «Почему сейчас все не так, как я представляла?» — подумала она вскользь. Но попытка ответить на этот вопрос вызвала только прилив тоски, и мама в очередной раз сделала вывод: молодость просто обманула ее.

Мама взяла из косметички зеркальце, чтобы успеть накраситься. К тридцати годам она выглядела старше своего возраста — ее это огорчало. Разве только упругую и высокую грудь по-прежнему не покидали молодые силы. И внутри самой мамы до сих пор жила одна молодая искорка. Она разжигала огонь, когда мама нравилась мужчинам, когда ей дарили подарки и подвозили из клуба домой. Эта искорка родилась в девичестве и все еще не перегорела.

— Олесь, вставай, — поцеловала она дочку в лоб.

Олеся делала вид, что спит — мама начала злиться.

— Если не проснешься, оставлю тебя здесь! Все, — встала мама с кровати и, не колеблясь, направилась к двери.

Прикидываться спящей Олеся уже не хотелось, ведь в школу все равно бы пришлось собираться или еще хуже — оставаться дома одной. Но и просто так встать она не могла. Олеся надеялась, что мама еще раз ласково подойдет к ней, погладит по лбу и вкрадчиво и нежно попросит встать. Уже сожалея о своей игре, она будто чувствовала на себе мамину нежную руку и теплый поцелуй.

— Ты портфель собрала? — крикнула мама из кухни.

Олеся нечаянно ответила «да» и обрадовалась, что нехотя обнаружила себя.

— Проснулась, наконец, — зашла мама в комнату. — Одевайся быстрее и блины кушать.

На обеденном столе осталась лежать мамина косметика. Прозрачный мешочек, заляпанный кое-где фиолетовыми тенями и черточками туши. Силуэты волшебных тюбиков с английскими буквами приковали Олесин взгляд. Хорошо бы сегодня после школы попробовать все это до мамино-го прихода.

— Посмотрим сегодня, что у тебя по русскому будет за четверть, — сказала мама будто по привычке и вспомнила, что вечером нужно пораньше уйти с работы и отвезти ребенка к бабушке. Еще успеть собраться — в семь подъедет Паша.

У Олеси опустилось сердце, она знала, что у нее будет три. Свернутый в трубочку блин стал каким-то чужим, словно это не ее вовсе блин, а другой девочки, а она, Олеся, не имеет права макать его в сгущенку и есть.

Закончился последний учебный день. По русскому поставили три. Олеся на другое и не надеялась, разве только самую малость. Вернувшись домой и сбросив грузный портфель в коридоре, она начала, торопясь, искать место, куда можно было бы спрятать дневник.

Взывая к летней неге и беспечности, сквозь оконное стекло проникли толстые весенние лучи. Олеся присела. На обеденном столе продолжала лежать мамина косметичка. На мгновение стало даже легко и весело, словно тройки и не было. Олеся давно хотела попробовать намазаться тушью. Взяв мамино зеркальце, она провела толстой чернявой кисточкой по ресницам, но тут же задела глаз и закрыла тушь обратно. Еще рано. Настоящая жизнь еще впереди. Когда она станет старшеклассницей, а мама начнет покупать ей лифчики и туфли на каблуках, а в школу разрешит ходить с распущенными волосами.

В коридоре послышались шаги. Олеся быстро положила косметичку на место.

— Олеся, сейчас кушать и к бабушке, — сказала мама с порога.

У бабушки всегда полный вкусностей холодильник и свободный компьютер, на котором можно сколько угодно смотреть мультики. От радостной новости Олеся забыла про дневник.

Посмотрев на дочкины туфли, мама вспомнила, что забыла купить Олеся сандалии, чтобы одевать их с носками. Бабушка сейчас точно начнет ворчать... Мама недовольно вздохнула.

Бабушке шел уже седьмой десяток. Она продолжала работать на вокзальной кассе, хоть и брала уже только половину смены. От долгого сидения поясница ныла так, что ее потом невозможно было размять, да и пошатывало иногда от усталости по дороге до дома.

Когда пришли Олеся с мамой, бабушка хозяйничала на кухне.

— Это мы, — зашла мама в квартиру.

— Ага, проходите, — сказала бабушка, переворачивая котлеты. — Надолго ли теперь? — спросила бессильным голосом.

— До завтра. Я пораньше зайду, — ответила мама, торопясь уйти и уже целуя Олеся на прощание.

Бабушка слегка покачала головой, мол, знаю я, как ты пораньше зайдешь, прогуляешь до утра, проспишь до обеда и придешь к вечеру, если не на следующий день. Ребенок каждые выходные у бабки, матери не видит и домой идти не хочет. Да разве такое возможно, чтобы ребенок к матери родной не хотел домой идти?

— Покормила хоть?

— Она ничего не съела почти, пару ложек супа только.

Олеся, нахмурившись, замычала «не-е», но больше для вида, так как кушать уже хотелось.

— Пошла я.

— Давай, давай, — уже в закрытую дверь сказала бабушка. — А мы с тобой обедать будем, — обратилась она к внучке.

Олеся долго стояла в ванной и намыливала руки новым, только раз-вернутым бабушкой, хозяйственным мылом, смотря на себя в не заляпанное, как у них, засохшими каплями зеркало.

Бабушка намазала на котлету сметану. То ли от голода, то ли смета-на действительно делала мясо вкуснее, но Олеся подумала, что теперь будет просить маму готовить именно так.

— Как в школе дела?

У Олеся все опустилось. У нее же тройка по русскому! Где она оставила дневник?! Она же его не успела спрятать... Он остался на столе — мама его найдет.

— Нормально, — попыталась непринужденно ответить Олеся.

«Несчастный ребенок, — подумала бабушка, — с утра встает, учит-ся. Так еще дома мать не кормит и по мужикам чужим бегаёт. Неужто мы так раньше жили, дед? — переведя взгляд на портрет умершего мужа, стоявший рядом с иконами, думала бабушка. — За что мне одной на Настькины несчастья смотреть?»

Олеся привыкла, что бабушка часто молча разговаривала с дедовым портретом, и в такие моменты старалась не смотреть в ее сторону, как будто бабушка делала это тайком от нее.

«Подрастет немного Олеська, и мне к тебе уж можно будет на по-кой», — обдумав еще что-то, прошептала бабушка.

Мама едва успела собраться. Приготовила мясо, приняла душ, еще раз накрасилась и сменила постельное белье. Обвела взглядом давно не мы-тый пол — «много чести будет», и не стала убирать. На столе в прихожей лежал Олесин дневник.

«Ну-ка, ну-ка, неужели ей четыре все-таки поставили, раз она на виду его оставила», — подумала мама, открывая его. Но там стояла тройка.

«Значит, оставила, чтобы я узнала без ее присутствия. Но так, может, даже умнее. Я в детстве обычно прятала». В этот момент мама ясно вспо-мнила один вечер. Хотя и не могла точно сказать, связан ли он был с тем, что она прятала дневник или нет. Сколько ей было? Может, шесть, а мо-жет, восемь. Было холодно, вечер, вокруг — ни души, только она и бабуш-ка возвращались откуда-то домой. Мама была обиженная, и поэтому пле-лась сзади. Бабушка не оборачивалась, и, уязвленная ее твердостью, мама вдруг остановилась. Бабушка продолжала идти — завернула за пятиэтаж-ку и скрылась из вида. Испуганная мама, уже забывшая обиду, побежа-ла за ней вслед. Она хотела крикнуть на всю улицу: «Мама», но, завер-нув за тот же дом, узнала впереди ее силуэт. Бабушка продолжала идти в том же темпе. Мама тихим, но быстрым шагом, чтобы бабушка не заме-тила ее отставания, приблизилась, не доходя, как и прежде, пары шагов. А затем и совсем поравнялась. Так они и дошли до дома, не обмолвившись ни единым словом.

И только сейчас мама вдруг так ясно осознала, что, сворачивая за дом, бабушка знала, что она не идет за ней.

Паша приехал с пустыми руками. Мама встретила его с едва скрываемым недоумением. Он это заметил, но сам продолжал широко улыбаться.

— Привет, сладкая, — притянул он ее за талию.

«Да ты, я смотрю, уверен в себе», — подумала мама, слегка отстраняясь.

Возле порога лежали тапки, оставшиеся от мужа. Она специально достала их для Паши, но сейчас обувь не предложила и прошла в комнату. Сев на кресло, она начала рассматривать себя в зеркало, висевшее на стене напротив. Мама была в однотонном синем платье без лишних деталей, которое, несмотря на это, очень выигрышно облегало фигуру, а капроновые колготки хорошо сужали ляжки. Закинув ногу на ногу, она присела на стул так, чтобы побольше оголить ногу из-под платья.

«Посмотрим, что ты будешь делать», — злорадно подумала она.

— Девчонка-то не придет? — разуваясь, спросил Паша.

Мама сначала не поняла, про какую девчонку он говорит. Но заметив, что он смотрит на Олесин портфель, оставленный в коридоре, догадалась. Она и так чувствовала себя униженной из-за того, что постаралась, приготовила мясо, купила дорогой торт, а он пришел с ней переспать, даже не удостоившись купить цветы или бутылку. А теперь еще позволяет себе ее дочь называть девчонкой.

— Мою дочку зовут Олеся. Это ее дом, когда захочет, тогда и придет.

— Как бы в тот момент-то не пришла, — сказал Паша, смеясь совсем простодушно и без злобы. — Я в туалет зайду?

— Вон там, — показала мама.

Да что же он вздумал про себя такого! Неужели он считает, раз у меня ребенок, я кинусь на любого?

Выйдя из туалета, Паша не знал, что говорить, и продолжал искренне улыбаться.

— Суп будешь?

Паша помялся.

— Может, что-нибудь выпьем? — спросил он, подсмеиваясь.

— А ты что-нибудь принес? — ликуя про себя, ответила мама.

— Не-ет, но я могу сбежать, — сказал он, оставаясь довольным собой.

— Давай, беги.

Мама поспешно выпроводила его. Защелкнулась дверь, и она поняла, что ни за что не впустит его больше. В углу коридора лежал Олесин портфель.

«Возвращайся к себе домой», — написала СМС. Паша несколько раз позвонил — она не взяла трубку.

Зайдя на кухню, мама первым делом достала сковородку с мясом и, не перекладывая в тарелку, начала есть.

Ну, а что делать, первый сорт уже давно разобран. Но на хороших она раньше не смотрела, да и сейчас бы, положила руку на сердце, не взглянула, как бы здравый рассудок ни подсказывал. Так она в школе послала страшного одноклассника. А он единственный, кто ей за всю жизнь подарил украшение, не считая мужниного обручального кольца. Серебряный кулон сердечком... Так, как он, никто не ухаживал и так долго не добивался ее благосклонности. Не побоялся, на выпускном признался, стих рассказал даже. Наверно, сам сочинил. А сейчас в Москве, хорошо зарабатывает. И симпатичным стал.

Обычно воспоминания об упущенных мужчинах не вызывали большого сожаления, но не сейчас.

За просмотром очередной серии мелодрамы по кухонному телевизору, бабушка, не торопясь, состряпала еще одну сковородку котлет. Олеся бегала то в зал за компьютер, то к бабушке на кухню.

— Баб, а ты во сколько лет замуж вышла? — спросила вдруг Олеся.

— За деда-то? — переспросила бабушка, будто вспоминая. — За деда, Царствие ему Небесное, я вышла, когда мне двадцать семь было, — облокотившись на подоконник, с нежностью начала рассказывать она. — Засиделась я тогда в девках... Мать моя, покойница, Царствие ей Небесное, не хотела меня отдавать, не молод ведь был он уже, да еще разведенный. В то время это ого-го! — погрозила бабушка пальцем, подумав, что сказала лишнего. — Не то что сейчас, творят, что хотят.

— Ты его любила, баб? — заинтересовалась Олеся.

— Любила, не любила, дом уже свой хотелось, очаг, — строго сказала бабушка, думая, что рано Олеся еще про любовь-то спрашивать. — А он, конечно, ухаживал хорошо, ни на шаг не отходил. Я тогда девка добротная больно была, круглолицая, и не думала, что глаз на меня кто положит. А он положил, в душу смотрел... Не на внешность смотреть надо, вот так вот.

— Жили-жили, не тужили, — вздохнула бабушка после недолгого молчания. — И прибрал его Бог, сердечко слабенькое было. Упокой душу раба Божьего, — бабушка перекрестилась и поклонилась иконе Божьей матери, стоявшей на подоконнике.

— Жизнь-то, она штука тяжелая, хоть и простая — проще некуда, Олесенька. Господа почитай, да мать свою люби и слушайся, — бабушка погладила ее по голове.

Надеясь еще что-нибудь интересное услышать, Олеся не торопилась идти в зал. Но казалось, заговорив о Боге, бабушка уже не вернется к прежнему разговору, не расскажет, как же именно дед ее любил. Неужели больше ничего не расскажет? Олеся хотела еще спросить, как же слушаться мать, если бабушкина мать не хотела ее выдавать замуж, но было неудобно — бабушка уже занялась вдруг обнаружившейся пылью на иконе.

Стукнула входная дверь.

— Это я, — торопливо и громко назвала себя мама.

— Мама-а! — подбежала к ней Олеся.

— Ух, ты, как рано! Даже не позвонила! Нагулялась уже? — вышла из кухни радостная бабушка.

— Собирайся, Олесь, — мягко скомандовала мама.

— Да посиди немного-то, поешь, котлет еще нажарила. А то только бегаешь туда-сюда.

— Мама, да, давай посидим! — подумала Олеся о том, что как раз не досмотрела мультик, и побежала в зал за компьютер.

Мама с бабушкой сели ужинать.

Накладывая котлеты, бабушка предложила добавить сметаны, но мама торопливо отказалась. «Со сметаной-то вкуснее», — пыталась уговорить. «Нет уж, спасибо», — усмехнулась мама. Бабушка, вспомнив, с каким аппетитом кушала Олеся эти котлеты, с болью о чем-то непоправимом подумала, что слишком поздно уже что-то говорить. Дочь ее больше не слышит. Но чувство кровной и никем не отменяемой власти матерей над своими детьми было сильнее всяких мыслей.

— Нормального тебе мужика надо... У Надьки Топтыревой сын ведь давно уж развелся. Работящий, здоровый мужик, матери слова лишнего не скажет.

— Мама-а-а, — басом протянула мама.

— Ну, это по ее вине развелся-то, она шалавила от него. А что мама? Ребенку отец нужен, а не твой ушел-пришел.

— Уж лучше ушел-пришел, чем как вы с папой жили, — отрезала мама.

Бабушка молча взяла со стола соль и, не торопясь, насыпала себе в тарелку. Мама искоса наблюдала за ней. Бабушка принялась за свою котлету. Прошло несколько минут. Дожевав последний кусочек, она прервала молчание.

— А кто сказал, что жизнь легкая-то будет? Всякое было, что уж грех таить. И гулял дед, и пил. Но терпеть ведь вместе надо, а не к другим мужикам в отместку убегать.

— Терпе-еть? — удивилась мама. — А ребенка тебе своего не жалко было? Когда папа меня ремнем хлестал? Когда он ко мне в школу пьяный ввалился? Нет, тебе не было меня жалко, ты и не спрашивала, как я себя чувствую!

Бабушка осторожно прикрыла дверь из кухни. Так у двери и осталась, не садясь.

— Только его жалела и около него бегала, Коленька, Коленька... — уже тише закончила мама.

Мама замолчала, остановив взгляд на старых часах с кукушкой, чтобы на чем-нибудь его остановить. Из распахнутых глаз катились слезы. Позади стояла бабушка.

— Всех было жалко. Такова судьба у нас, значит. И ведь вытащили деда-то... — бабушка положила руки на мамины плечи.

Мама нервными глотками стала пить чай.

— Как оттикают, так и умру я. Остановятся... значит, зовет меня к себе матушка моя. А ты же на кого с Олесенькой останешься? Что же я деду-то нашему горемычному скажу? Не сберегла, не пристроила? — спокойно и равномерно приговаривала бабушка.

Мама знала, что эти старые часы давным-давно были подарены бабушке как приданое. Но никогда раньше бабушка не говорила о них так. С полной верой в свои глупые и страшные мысли.

— Хоть какой, да один должен быть, постоянный, — как точку поставила бабушка.

Мама, ничего не ответив, продолжала смотреть на часы: стрелка слабо отмечала «тик... тик... тик...».

На кухню стала стучать Олеся.

— Ты чего прибежала-то? — не давая пройти к маме, нависла над ней бабушка.

Олеся сказала, что досмотрела мультик, но заметив заплаканную маму, остолбенела: «Мам, ты чего?»

Мама, услышав про мультики, вдруг вспомнила про оставленный на столе дневник: «Уроки лучше бы учила, мультики она смотрит», — сказала она и на последних словах, сама, не ожидая того, рассмеялась. Бабушка тоже начала улыбаться.

— Тройку схлопотала, да? — стараюсь быть серьезной, спросила мама.

Олеся опустила голову — вот он, настал этот момент. Но настал он совсем не так, как она того ожидала. И мама говорила совсем не так. Олеся даже почувствовала, что она вовсе ни в чем и не виновата.

— Ладно, иди. В следующем году шкуру с тебя сдери, только попробуй у меня тройки получать, поняла?

Олеся, кивнув, убежала в комнату. Впервые она почувствовала такое облегчение, вдруг явившееся после стольких переживаний. Но отчего же плакала мама... этот вопрос зародил в ней новый страх.

— Ишь, троечница! А я же спрашивала, как в школе, нормально говорит... — продолжила ласково смеяться бабушка.

Они смеялись, смотря друг другу в глаза.

Бабушка провожала маму и Олеся взглядом, стоя у окна. Вот уже подошли к автобусной остановке. И в ту же минуту затерялись в толпе ожидающих людей.

«Видимо, опять автобус сломался», — подумала бабушка.

Она вспомнила, как с утра садилась с этой остановки, чтобы до рынка доехать. И тоже полным-полно людей в автобусе было. Кто сидел, кто стоял. Место уступил молодой совсем паренек. И как-то робко так, даже стыдливо предложил: «Бабушка, садитесь». Что он интересно думает, когда старых видит? Наверно, уже как на мертвых смотрит. А все-то мы и живы, и мертвы одинаково. Все в шапочке друг от друга. Как в этом автобусе, все вместе по жизни и едем.

Этот паренек еще не видит, а я всех вижу, каждого чувствую, каждый внутри меня есть. Потому как каждый из нас ребенок чей-то. И у старух, и у мужиков больших мать есть.

Бабушка вспомнила свою матушку и, как сейчас, увидела ее. Заходят они с Колей в дом, а матушка сидит на полу, чернику перебирает. Коля-то сразу: «Собирай, matka, приданое». А матушка как встала, так и стоит, смотрит на них, будто ребенок испуганный. То на одного посмотрит, то на другого. «Людка-а-а, — заголосила матушка, — дура ты девка», — и заохала, хватаясь руками за голову. А сама двумя ногами-то на чернике стоит, придавила ягодки и не замечает.

«И все-то мы детки малые и детками останемся», — прошептала бабушка.

